

# ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ

ОКОНЧАНИЕ ДОКЛАДА ТОВ. ПАНФЕРОВА

люди страны. «Есть среди них и так называемые читоплюи. Они же к нашему несчастью есть и среди читателей... и они то особенно влияют на рядовых читателей, сбивают их с правильного пути. Вот пример. В 1926 году мне надо было написать очерк о хорошем сельсовете. Я попал в Тамбов. Мне предложили съездить в ближайшее село—там сельсовет преуспевал. Приезжаю, вхожу в сельсовет. Накручено, грязно, в углу сидит широкоплечий «дядя» лет тридцати и что то пишет. Я незаметно подошел к нему, заглянул. Он пишет так: «Я председатель сельсовета предлагаю тебе Ивану Петровичу Гурьянову немедленно Явиться, в сельсовет».

Я его спросил: — Почему слово «явиться» написал с большой буквы? — А то же главное слово,—уверенно ответил он мне. (Смех).

— А почему запятую после «явиться» поставил?

— А, что б он тут задержался. (Смех). Как видите, он свою грамматику и синтаксис придумал на пользу советской власти. Но дело у него поставлено было хорошо. Если бы я написал, что этот человек писал очень грамотно, это была бы ложь, как была бы ложь, если бы я дал ему литературный, благородный разговорный язык. Это было бы тоже нетипично, так как язык облагораживается, очищается с культурным ростом человека.

Так вот, этого человека мы потом взяли в Москву, устроили в рабфак. И недавно, в период дискуссии о языке, он пришел ко мне. Я его спросил—читал ли он третью книгу «Брука»?

— Да, читал,—ответил он.

— Ну и как?

— Неплохая книга, только вот есть грубые слова.

— Какие?—спросил я его.

— А вот,—ответил он,—у тебя упоминается слово «кобель».

— Ну, хорошо,—ответил я ему—следующий раз я буду писать так: из подворотни с лаем выскочила особь мужского рода из собачьей породы (смех).

## IV. О писателе и читателе

И еще один вопрос волновал нас—вопрос о нашем читателе. Читатель у нас в основном замечательный. Он хочет, чтобы ему дали такую книгу, которая помогла бы ему разрешить наиболее важные вопросы. Но есть и другой читатель—это из беженцев. Этот ничего не читает, но всегда критикует. Мы знаем, что настоящий читатель критикует нас любя, желая помочь нам. И мы все не обижаясь на такого читателя, ибо мы знаем, что без критики нам нечем будет дышать, мы застынем, заплесневедем. Но и тут надо понять вот что, товарищи. Во-первых,—ни один писатель еще раз не написал гениального произведения, все учатся. Во-вторых,—литературное движение всегда было и есть массово. Помогать крупному писателю легко, да он часто и не нуждается в кое-какой помощи. Сказать твердо на ногах стоит, нечего его поднимать. А вы вот помогите молодым, начинающим людям, которые еще очень шатко стоят на ногах. Помните, что писательское дело—очень трудное. Писать это не сапоги шить, хотя, чтобы научиться шить сапоги, надо тоже несколько лет просидеть за верстаком. То сапоги, а то—книги писать. Молодежь учится. Помогите ей, подложите к ней березку.

Нам на съезде читатели предъявляли требования—чтоб мы хорошо писали. Мы на съезде чувствовали, как любит нас наша страна и порой нам было стыдно за то, как мало еще мы—писатели—дали стране нашей. На требования читателей страны мы отвечали тем, что крепко будем работать, дадим в ближайшее время такие книги, которые всколыхнут еще больше миллионы трудящихся, которые явятся образцами для писателей других стран. И вот теперь, выступая перед вами, я вспомнил один случай. В прошлом году мне удалось с И. М. Варейкиным поехать в районный центр. Там нас встретили так:

— Вот, слышь, по случаю вашего приезда, тов. Варейкин, и по случаю приезда нашего дорогого писателя тов. Панферова, мы сегодня вывели на сцену пункт пять тысяч центнеров хлеба.

— Это очень хорошо. Очень хорошо,—ответил Варейкин. Затем засмеялся. А вот что... это будет еще лучше, если вы завтра, по случаю нашего отъезда, отправите на станцию еще тысячу центнеров.

Так вот, товарищи, вы тоже собрались здесь по случаю нашего приезда, и очень хорошо встретили меня, как представителя Всесоюзного правления советских писателей, хорошо выступали, говорили... а было бы еще лучше, ежели бы вы, по случаю нашего отъезда, завтра же, хорошенько занялись молодыми кадрами советских писателей вашей области. Так вот по этому случаю я вас очень прошу—хорошенько читайте произведения молодых авторов, бережно, по-сталински относитесь к нам, воспитывайте их в духе нашей партии борцами за рабочее дело. Вот с такой уверенностью—с уверенностью, что вы будете помогать молодым кадрам и заканчивая свой доклад, а поприветствую в Москву передам правление советских писателей, что вы любите нас, поддерживаете и что нам нужно крепко, по-настоящему работать. (Бурные аплодисменты).

— О-о-о, ответил он,—я тогда тебя по башке книжкой.

— Ну, а теперь я тебя,—замечил ему я.

Видите ли, товарищи, все это напускное у моего приятеля, ненужная чистоплотность, ядущая еще от дворянства. Ведь вот, например, когда то Карамзин предлагал уничтожить слово «парень». Он говорил, что со словом паренюшка ему представляются деревенские пейзажи, река, лужайка, а со словом парень—мужик, сморкающийся в рубашку... и поэтому дескать нельзя ли слово парень как набудь заменить... ну хотя бы паренюшкой.

Но есть и другие писатели, которые тапают в литературу все, что попадает им под руку. Даже кичатся этим. Эти люди не понимают одного, что мы язык народа ценим, но в то же время знаем, что в этом языке очень много хлама, дряни, и что этот хлам и дрянь народ сам отбрасывает от себя, тем более его должен отбрасывать писатель.

На какой же точки зрения стоит А. М. Горький в вопросе языка? Всем своим творчеством Горький доказал и показывает, что он стоит на точки зрения мудрой простоты. Между прочим, некоторые думают, что я не сторонник Горького. Это чепуха! Я вполне понимаю, что из себя представляет Горький и считаю его своим учителем, то есть человеком, у которого мы, молодые писатели, должны очень многому научиться. Во время дискуссии, мне глаз на глаз не удалось беседовать с А. М. Горьким, и во время этих бесед он мне очень во многом помог. А. М. Горький за чистоту языка, за образность языка, за типичность языка. А чтобы добираться до такого языка, надо очень много и тщательно работать над языком. Но это абсолютно не значит, что язык действующих лиц надо «облагораживать», подбивать под один язык, заставлять их—крестьян и рабочих, людей на разных ступенях культурного развития—говорить языком профессоров.

лионы трудящихся, которые явятся образцами для писателей других стран. И вот теперь, выступая перед вами, я вспомнил один случай. В прошлом году мне удалось с И. М. Варейкиным поехать в районный центр. Там нас встретили так:

— Вот, слышь, по случаю вашего приезда, тов. Варейкин, и по случаю приезда нашего дорогого писателя тов. Панферова, мы сегодня вывели на сцену пункт пять тысяч центнеров хлеба.

— Это очень хорошо. Очень хорошо,—ответил Варейкин. Затем засмеялся. А вот что... это будет еще лучше, если вы завтра, по случаю нашего отъезда, отправите на станцию еще тысячу центнеров.

Так вот, товарищи, вы тоже собрались здесь по случаю нашего приезда, и очень хорошо встретили меня, как представителя Всесоюзного правления советских писателей, хорошо выступали, говорили... а было бы еще лучше, ежели бы вы, по случаю нашего отъезда, завтра же, хорошенько занялись молодыми кадрами советских писателей вашей области. Так вот по этому случаю я вас очень прошу—хорошенько читайте произведения молодых авторов, бережно, по-сталински относитесь к нам, воспитывайте их в духе нашей партии борцами за рабочее дело. Вот с такой уверенностью—с уверенностью, что вы будете помогать молодым кадрам и заканчивая свой доклад, а поприветствую в Москву передам правление советских писателей, что вы любите нас, поддерживаете и что нам нужно крепко, по-настоящему работать. (Бурные аплодисменты).

Вы поражены, читатель? Мы—тоже. На наших глазах начинаются великие, в истории невиданные, перемещения городов и стран. Прага летит галопом в Испанию Вена без всякой жалости уступает Польшу, Чехо-Словакия мчит в Рим. Берлин перемещается в Англию, а Лондон отступает в Индокитай...

У проводивших беседу с редакторами Беловского, Дросковского, Должанского и Скороднянского районов начинается кружиться голова, они в отчаянии чувствуют, что наша Курская область уходит из-под ног. Еще два-три вопроса и... Курс окажется... в Африке.

Мы поссорились...

Пусть мы рассорились окончательно, но знайте, товарищи редактора, что вас не спасут никакие оправдания и отговорки, если вы не начнете, по примеру большинства редакторов, серьезную работу над собой, ибо в наше время тот, кто не идет вперед,—неизбежно катится назад.

Л. ЯШИН.

# ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО—СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО

Из речи секретаря Обкома ВКП(б) т. Иванова на собрании курского партактива 3 ноября

Тов. Панферов в своем докладе говорил о созданной нами художественной литературе. Безусловно, мы литературу создали в стране советов—и это является огромной частью социалистического строительства. Здесь мы имеем крупнейшие завоевания. Но мы, большевики, привыкли, говоря о наших достижениях, не забывать и о недостатках, которые у нас есть в нашей работе и которые мы должны подвергать критике, и этой критикой мобилизуя массы, их (недостатки) устранять. Есть у нас недостатки в литературе, и мы должны мобилизовать на критику этих недостатков в литературе и читателей, и писателей. Читатель, а я являюсь в данном случае таковым, должен помогать писателю в его творчестве.

О значении съезда советских писателей говорилось много, много написано, речи выступавших на этом съезде ораторов опубликованы в «Правде» и других газетах.

Безусловно, съезд советских писателей имеет громадное историческое значение, как съезд смотра сил революционных писателей советской страны, как съезд, которым подведены итоги наших достижений в области создания литературы. Вместе с тем съездом были отмечены и слабые стороны нашей творческой деятельности на художественном фронте.

Собрались на этом съезде все писатели Советского Союза, творцы национальной по форме и социалистической по содержанию литературы.

Этот съезд имеет не только союзное, но и мировое значение, он показывает прежде всего рост наших сил и пути для писателей, примыкающих к пролетарскому фронту заграничных.

Я хочу сказать о том, как в процессе гигантского социалистического строительства, в процессе пролетарской революции растут и наши писатели, вышедшие из гущи рабочего класса и трудового крестьянства.

Мы создали огромное хозяйство, создали социалистическую индустрию, провели коллективизацию. На этом огромном деле работали, творили люди, талантливейшие организаторы, ударники, рационализаторы, агрономы, инженеры и т. д. Выросли писатели, музыканты, поэты, артисты, художники. Кто их выдвинуло из масс? Творчество. На этой, товарищи, социалистической основе, на этой базе росли и растут новые люди нашей страны, творцы нашей социалистической экономики, творцы гигантов социалистической индустрии, колхозов, совхозов, творцы художественного слова, новых форм хозяйства, новых форм производства. Социалистическая революция создала новых людей и люди эти строят новое хозяйство, социализм, творят свою социалистическую историю, покоряют стихийные силы природы, ставят их на службу пролетариату.

Социалистическая индустрия есть, товарищи, материальная культура, на базе которой развивается, так называемая, духовная культура. Социалистическая индустрия способствовала и способствует росту социалистической культуры и наоборот—социалистическая культура способствует росту социалистической индустрии. Здесь мы находим взаимозависимость, взаимодействие, взаимосвязь. А советская литература является огромной частью социалистической культуры. Говоря о нашей советской литературе, я прежде всего хочу подчеркнуть, что наша советская литература есть литература не вообще, как некоторые понимают ее, а строго классовая литература, наполненная классовым содержанием. Мы знаем рассуждения наших врагов о том, что классовая литература—однобокая. Так говорят только явные враги советского государства. Нет в мире какой-то надклассовой, внеклассовой и бесклассовой литературы. Возьмите литературу любой буржуазной страны и вы увидите, что она отвечает интересам и требованиям класса, правящего класса—капиталистического. Эта литература борется за интересы господствующего класса, т. е. буржуазии. Наша советская литература—строгая классовая литература. Она борется за интересы рабочего класса, она борется за усиление темпов социалистического строительства, за укрепление и развитие нашей социалистической экономики. Вот этого никто не должен забывать, а если писатель забывает о классовом содержании литературы, то он вообще не писатель или же во всяком случае такой писатель, который должен переставать себя, ибо он не в состоянии будет отразить действительной жизни.

У нас имеется большая армия писателей. Мы имеем уже выросших и растущих больших писателей в Советском Союзе, как, например, Горький, Серафимович, покойный Фурманов, Панферов, Шолохов, Фадеев, Ильенков, Гладков, Велкий и др. Это писатели социализма, творцы новой социалистической литературы.

К сожалению, мы не можем похвалиться, что у нас в Курской области имеется группа советских писателей. Их пока еще нет. Не всяк тот писатель, кто выдает себя за писателя. Писателем мы считаем только того, кто знает советскую общественность. Но это не значит, что из начинающих писателей Курской области не выйдет хороших, талантливых писателей. Если в прошлом из Курской области

вышли такие крупнейшие художники слова, как Тургенев, Лесков, Эртель, Апухтин и другие, то в условиях советского строя, когда пробудились и рванулись к творчеству огромные таланты, найдутся, несомненно (мы в это верим) писатели, которые затмят своим творчеством Тургеневых, Апухтиных, Лесковых. Мы надеемся, что такие силы в недрах рабочего класса и колхозного крестьянства Курской области есть. Это несомненно. Но здесь нам пока еще нечем хвалиться. К собиранию этих сил мы еще только должны будем приступить.

Писатели советской страны создали большую литературу. Между прочим, нужно отметить чрезвычайно важный исторический факт, что вместе с гигантским размахом пролетарской революции, вместе с гигантским ростом социалистического творчества создавалась и советская литература, литература, отображающая бури гражданской войны, империалистическую войну, социалистическое строительство, старый быт и борьбу нового строя с этим бытом, его изменение и т. д.

Как видите, здесь мы также, как и в хозяйстве, имеем гигантский рост. Чем его можно объяснить? Тем, что к творчеству рванулись миллионы, что к творчеству пришли юные с будущей через край энергией молодые силы, силы кипучей энергии рабочего класса.

Но я хочу перейти к тому, о чем я хотел поговорить, о недостатках нашей литературы.

Прежде всего, в своих произведениях многие наши писатели слабо еще описывают нашу яркую жизнь, нашу творческую действительность. Образы страдают большой незаконченностью. Слишком большая ограниченность тем. Вы сами замечаете—об одном и том же пишут десятки писателей, берут одно содержание, только вариации разные. Может быть, это и не плохо, но плохо то, что слишком многообразная наша творческая жизнь освещается узко, совершенно недостаточно. Кроме того, в освещении жизни и борьбы у многих писателей чувствуется упрощенность. Писатели еще не понимают насколько сложна наша жизнь. Поэтому произведения этих писателей напоминают собою нечто вроде протокола, акта.

Еще нужно указать на один большой недостаток, который имеется в произведениях многих советских писателей. Этот недостаток сводится к следующему: писатели иногда очень много выставляют в своих произведениях людей, но среди них много таких, которые мало подходят на естественных людей, на людей со страстями и стремлениями, а все больше какие-то сахарные, плохонькие, преподобенькие, такие, каких в жизни нет. А надо дать героя. В каждом произведении есть герой. Но в произведениях некоторых писателей нет такого героя, который явился бы знаменем борьбы, ибо герой этот слабенький, хуленый, тускленький. Разве за таким героем кто-нибудь пойдет? Вы возьмите, хотя бы, героя Тургенева—Базарова—это такой герой, которому подражали.

Я не говорю о всех наших писателях, и у наших писателей есть герои, но это еще совсем не те герои. Много у нас и м е е т с я книг, написанных нашими советскими писателями, которые не захватывают, вызывают сопливость при чтении, а нам нужно создать такие книги, от которых читатель не оторвался бы, которые бы мобилизовали массу. Вот какие нам нужны книги и мы такие требования в праве предъявить нашим писателям, вышедшим из гущи трудового народа. Отсюда, естественно, встает вопрос о тематике, о которой много говорилось на съезде советских писателей. Я выставил бы такие требования советским писателям: первое и основное требование—это писатель должен научиться отображать в своих художественных произведениях многогранное творчество людей-строителей социализма. Это творчество колоссальное.

Правильно говорил тов. Панферов о коллективизации, что если писать о колхозах—нужно показать вместе со строительством колхоза решение той величайшей исторической проблемы, которую мы разрешили практически. Возьмите хотя бы такие гиганты как Магистраль, Днепротрест и ряд других созданий рабочего класса. Ведь это, товарищи, гигантские куски жизни, гигантские куски нашего творчества. Ведь на этом материале можно создать целые эпопеи, а у нас слишком слабовато как раз о т р а ж а е т с я творчество создателей г и г а н т о в нашей металлургии. Над созданием этих гигантов трудились огромная масса людей. И вот постройку такого гиганта нужно взять не просто только, как один гигант, а показать его в системе нашей социалистической экономики, в укреплении могущества нашей страны, как он влияет на усиление мировой социалистической революции, как он мобилизует широчайшие пролетарские массы мира на борьбу за советскую власть. Глубже надо брать каждый объект нашего строительства.

Радость жизни, радость творчества—величайшая тема, так и просится в произведении. А много ли у нас таких произведений? Мало еще, а это

большие темы для нашего советского писателя. Что может быть возвышеннее радости творчества! А она у нас пока со страниц наших художественных произведений у многих писателей и не смотрит.

Я уже говорил: нередко, описывая современного человека, писатели дают его преподобеньким, а надо показать его, как человека, со всеми присущими ему слабостями, стремлениями, переживаниями и положительными качествами. Внутреннюю борьбу человека надо показать.

Чем ценны произведения Панферова? Тем, что в них эти переживания есть. Человека без страстей, без привычек нет, такого человека не существует. Взять хотя бы того же колхозника. Вы думаете, что, вступив в колхоз, он сделался сразу уже таким чистеньким? В сознании многих колхозников еще немало осталось старых традиций, привычек, наклонностей, от которых нам придется очень и очень долгое время очищать их.

Возьмите коммунистов. Преподобенькие они? Нет, товарищи, у многих коммунистов—п е р е д о в ы х людей человечества, тоже имеются недостатки—недостатки и в работе, недостатки и в личной семейной жизни. Без боязни нужно вскрывать эти недостатки, для того, чтобы одинаково воспитывать как колхозников, так и коммунистов. Художественная литература призвана бороться с этими недостатками, унаследованными нами от прошлого и неизжитыми еще.

Нельзя обойти вопрос и о классиках. Нельзя отбрасывать старых классиков. Старые классики были большие мастера, величайшие художники. Мы не рекомендуем копировать их произведения. Нельзя этого делать. Наша жизнь, эпоха, строй совершенно иные и содержание жизни иное, нежели отраженное классиками, и я всегда был противником и остаюсь им, когда у нас хотят превратить героя из произведения классика в комсомольца, когда хотят, чтобы из произведения классика старый человек изображался каким то новым человеком. Например, Чацкого из произведения «Горе от ума» требовали превратить в комсомольца, в какого-то человека, импонирующего нашей эпохе. Это—величайший бред. Но техника образа, самое мастерство классиков не должно игнорироваться.

Технике писателя не позорно учиться нашим молодым советским писателям у старых писателей классиков—это необходимо запомнить каждому из советских писателей. Я думаю, что тов. Панферов не будет отрицать этого, и ему неплохо овладеть этой техникой, чтобы дать лучшие произведения.

Еще один недостаток—если многие неплохо описывают жизнь, то совсем не умеют описывать природы, или очень плохо описывают. Читая описание природы, не чувствуешь ее.

У нас в Курске многие неправильно понимают природу, цветы и т. п., они думают, что цветы—это мешанство. Социализм не отрицает, а предполагает цветы и красоту. Социализм не нищенство: это—полная довольства, радостная жизнь. Широкого, захватывающего описания природы мы ждем от наших советских писателей.

Я хотел бы еще сказать пару слов о наших драматургах. Правда, они еще молодые. Они не выпустили еще таких громадных произведений, но мы, большевики, должны требовать от них, и эти требования должны толкать людей к творчеству.

Блестящие, захватывающие моменты из эпохи гражданской войны, из нашего социалистического строительства они дают как-то деланно, не захватывающе, преподносят нам как-то бледно.

Вот, например, уже разрешите мне товарищи артисты, критикнуть вас вот, например, один из недостатков, который имеется в той пьесе, которую вы будете сейчас играть. Рисунок коммунистов какими то истериками. Запомните, такие коммунисты не сделали бы революция (смех). Коммунисты—люди хладнокровные, с твердой волей и истерик не закатывали, когда делал революцию.

В поэзии у нас также много спотыканий, но мало музыки. Если не музыка—это слабая поэзия. Что тут нужно? В стихотворении при малом его размере надо показать многое. Буквально в четырех строчках показать целый кусок эпохи. Вот что требуется от поэта. А у нас маленькое событие нередко показывается на семи страницах да дубовым языком.

Можно было бы говорить еще о недостатках, но я боюсь, что тов. Панферов обидится за писателей. Имейте ввиду, если я так упорно говорю о недостатках, то только потому, что от всей души хочу помочь этой критикой писателю и мы, большевики, на одну минуту не сомневаемся в том, что обстановка, условия, в которых работает советский писатель, в недалеком будущем дадут нам новых, еще большей силы Пушкиных, Шекспиров, Байронов, Гете, Шиллеров (Бурные аплодисменты).

Таких писателей мы увидим, повторю, в самом неурочном времени, ибо художественной литературой руководит, как и всем строительством, наш великий вожь Сталин (Бурные аплодисменты).

## РАЗГОВОР О ГЕОГРАФИИ

Недавно нам пришлось говорить с редакторами.

— Тов. Шубин, в вашей газете «Беловская правда» написано «Лондон», а где он находится, в какой стране?

Редактор глубже садится в кресло и заявляет: «Если это столь важно, могу и сказать—в Америке».

— А Хабаровск?

— Хабаровск—это уже я точно знаю—во Франции.

Но... может быть знает т. Жданкин—редактор должанской газеты...

— Тов. Жданкин, где Бухарест.

— В Афганистане.

— А вы как думаете, тов. Злобин (редактор дросковского газеты)?

— А я и не думаю, а знаю, ибо я даже преподавал географию...

— Ну, а все же?

— Да Бухарест находится в Риме...

Тов. Просолов—скороднянский редактор, определив Лондон в Германии, заявляет, что он позавил, в какой именно области СССР находится Будапешт.